

Александр В. ШЕВЧУК

Черноморский государственный университет имени Петра Могилы,
Николаев, Украина

Мировой финансово-экономический кризис как детерминанта внешнеполитической стратегии КНР

Архитектура механизма межгосударственных взаимоотношений Азиатско-Тихоокеанского региона была детерминирована распадом СССР, но в конце первого десятилетия XXI века мировой финансово-экономический кризис сформировал новую повестку дня по проблеме соотношения комплексных потенциалов стран-лидеров региона. Прежде всего, это связано с динамикой роста потенциала Китая с одной стороны, а с другой – пересмотром концепции глобализма во внешнеполитической стратегии США.

Отдельные аспекты этого направления научных исследований нашли отражение в работах отечественных ученых, российских исследователей и американских ученых. Среди работ украинских авторов нужно отметить труды Е. Каминского, С. Шергина, Б. Гончара, И. Дудко, С. Проня, И. Погорской, А. Луценко. Формирование основных элементов механизма реализации внешней политики КНР анализируются в работах российских политологов Д. Мосякова, Г. Каримовой, И. Панарина, И. Лебедевой, А. Богатуров, Т. Шаклеиной, С. Рогова, С. Караганова. Структурно-функциональный анализ внешнеполитической стратегии КНР на современном этапе является предметом исследования американских политологов-международников Дж. Ная, К. Кэмпбелла, М. О'Хенлона, Дж. Курлянчика, Зб. Бжезинского, Р. Каплана, Ч. Фримена, Дж. Фридмана и т.д.

Новое измерение реализации определяющих установок внешней политики США, по мнению известного американского политолога, профессора Гарвардского университета Дж. Ная определяться тем, что проблема американских властей это «... не упадок, а выбор модели поведения в контексте осознания того, что даже крупнейшая страна не способна достичь желаемого результата без помощи других» [1, с. 12]. Президент Совета по ближневосточной политике

США Ч. Фримэн подчеркивает: «Если раньше мир боялся, что ошибки китайского руководства погубят страну, то сейчас обеспокоен тем, что сильный Китай может начать диктовать ему свою волю» [2].

Статусная трансформация роли КНР в региональной системе взаимоотношений является детерминантой не только внешнеполитических взаимоотношений ведущих субъектов международных отношений АТР, но и безусловно определит существенную перестройку как региональной так и глобальной экономической и валютно-финансовой системы. Понятно, что США еще достаточно долгое время будут выступать в роли глобального центра. Так, ежегодные затраты Вашингтона на вооруженные силы составляют около 700 млрд. дол., а ВВП страны – 14 трлн. дол. [3, с. 5]. Кроме этого, США остаются мощным источником „мягкой силы” на глобальном уровне, лидером информационной и инновационной деятельности. Вместе с тем, по прогнозам Фонда Карнеги ВВП КНР в 2035 г. составит 82 трлн. дол., а США – 44 трлн. [3, с. 8]. Вполне вероятно, что эта тенденция вызовет коренную перестройку глобальной экономической и валютно-финансовой системы. Показателен тот факт, что в конце первого десятилетия XXI в. на просьбу указать наибольшую экономическую мощь мира впервые рядовые американцы назвали прежде всего Китай (44%), а не США (27%) [4]. По сообщению китайской газеты «Жэньминь жибао» в 2010 г. темпы роста экономики Китая составили более 11% [5].

Именно это обусловило активизацию исследований американских политологов относительно прогнозирования перспектив роли и места КНР в региональной и глобальной системе международных отношений. В конце первого десятилетия XXI в. основным лейтмотивом исследований были перспективы и возможности преобразования КНР не только в регионального лидера, но и глобальное центросиловое государство. В этой связи, рассматривались возможные варианты реакции США на усиление «удельного веса» Китая в региональной системе международных отношений. Однако, мировой финансово-экономический кризис обусловил оптимизацию внешнеполитической стратегии США, что нашло отражение в разработке инновационных моделей межгосударственных взаимоотношений США – КНР исходя из фактически равной ответственности за региональную и глобальную стабильность. Точкой отсчета в этом контексте можно считать статью советника президента США Дж. Картера по национальной безопасности, профессора Школы между-

народных исследований университета Дж. Гопкинса Зб. Бжезинского «Двойка», способная изменить мир». Статья была напечатана в ведущей британской газете «Financial Times» на основе его выступления в Пекине по случаю 30-годовщины установления дипломатических отношений между США и КНР. Определяющие тенденции мировой политики, а именно необходимость реагирования на различные по характеру и содержанию вызовы и угрозы создает почву для сущностного переформатирования взаимоотношений между Пекином и Вашингтоном. Поэтому, по мнению Зб. Бжезинского, США и КНР «... необходимо создать неформальную „двойку“». Отношения между Китаем и США должны носить характер всеобъемлющего партнерства – такой, как наши отношения с ЕС и Японией. Поэтому нужно наладить процедуру регулярных неформальных встреч высших руководителей наших стран, чтобы они могли лично проводить углубленные дискуссии не только по вопросам двусторонних отношений, но и по международной проблематике в целом» [6]. Особая роль в процессе создания так называемой G 2 возлагается политологом на лидеров двух стран: «Эта задача должна найти отклик у новоизбранного президента Барака Обамы – внутренне склонного к урегулированию противоречий. Несомненно, ее позитивно воспримет и председатель КНР Ху Цзиньтао – автор концепции „гармоничного мира“. Речь идет о миссии, достойной двух стран, обладающих уникальным потенциалом с точки зрения определения будущего человечества» [6].

Показателен тот факт, что почти одновременно со статьей Зб. Бжезинского в другой британской газете «The Independent» патриарх американской школы международно-политических исследований Г. Киссинджер высказал почти аналогичные мысли: «Роль Китая в новом мировом порядке ключевая. Наши отношения, начинавшиеся главным образом как стратегический проект, направленный на сдерживание десятилетиями общего противника, превратились в центральную конструкцию системы международных отношений ... У нового поколения наших лидеров есть уникальная возможность превратить их в проект нашей общей судьбы, как это произошло в послевоенный период с трансатлантическими отношениями, с учетом того, что нынешние вызовы являются более политическими и экономическими, чем военными» [7].

Вместе с тем, значительная часть американских специалистов-международников анализируя перспективы роста комплексной

государственной мощи КНР, делает вывод о конфликтогенности этого процесса с интересами как традиционных региональных «центров силы», так и тех, которые постепенно приобретают этот статус. Так, старший научный сотрудник Центра разработки новой стратегии национальной безопасности США Р. Капкан утверждает: «Зоны силового вакуума, в которые сейчас проникает Китай, станут через некоторое время яблоком раздора в его отношениях с соседними странами – как минимум с Индией и Россией» [8, с. 67]. По его мнению, в условиях постепенного уменьшения влияния США в Юго-Восточной Азии, государства региона будут «... все чаще объединять усилия, чтобы противостоять стратегии «разделяй и властвуй», которую стремится реализовать Пекин» [8, с. 68].

С точки же зрения Дж. Фридмана – основателя и руководителя аналитической группы «Stratfor» (США) наиболее вероятным конкурентами КНР в региональной системе межгосударственных взаимоотношений является Япония и США. «Россия вряд ли будет рассматриваться как враждебное государство», – подчеркнул аналитик [9, с. 57].

Хотя конкурентная среда взаимоотношений в треугольнике США – КНР – Япония не является настолько конфликтной, что может повлечь военную конфронтацию между Пекином с одной стороны, а Вашингтоном и Токио – с другой, отмечает Дж. Фридман [9, с. 64]. Обусловлено это прежде всего слабостью ВМФ КНР по сравнению с ВМФ США, поскольку «... в ближайшие 10 лет Китай вряд ли сможет вывести свои Военно-морские силы на достаточно высокий уровень, чтобы бросить вызов американскому флоту» [9, с.65].

В аналогичном контексте рассматривает военные возможности КНР и Ч. Фримэн. Анализируя официальные военные бюджеты США и КНР политолог отмечает, что учитывая все расходы оборонный бюджет США составляет 6,8% от ВВП. Аналогичный показатель КНР по его подсчетам составляет около 3%. Эти показатели, позволили Ч. Фримэну сделать вывод: «Во-первых, формируя бюджет, Пекин по-прежнему уделяет военной сфере меньше внимания, чем экономической. Во-вторых, увеличение оборонного бюджета Китая дает меньше оснований для беспокойства, чем склонны полагать паникеры и сторонники „железной” обороны» [2].

Отстаивает позиции относительно необходимости углубления и расширения двустороннего сотрудничества между США и КНР и Дж. Най. Он утверждает, что подъем КНР не является угрозой для

США. «На практике, нам нужно сбалансировать китайскую силу в Азиатском регионе, так как многие страны, такие как Япония, Вьетнам, Индия взволнованы ростом твердой силы Китая, и потому они стремятся сохранить американское присутствие в регионе. Кроме этого, нам необходимо сотрудничать с Китаем. Например, в вопросах изменения климата, где важность Китая нельзя недооценивать, ведь он производит ежегодно более двуокиси углерода, чем США. Более того, Китай важный партнер в вопросах финансовой безопасности, киберзащиты. Поэтому необходимо налаживать сотрудничество с Китаем », – подчеркивает Дж. Най [10].

Отмечая, что в перспективе КНР будет играть системообразующую роль в АТР, в аналитических исследованиях американских специалистов прослеживается мысль о необходимости привлечения КНР к различным международным учреждениям и расширение ответственности Китая в соответствии с его комплексного государственного потенциала в различных сферах международной деятельности. Именно это, обеспечит возможность контроля со стороны США за «поведением» КНР как на региональном, так и глобальном уровне, ведь привлечение Пекина к международным организациям в которых доминирует Вашингтон обеспечит возможность более эффективного контроля «изнутри», чем это есть сегодня – контролем «извне».

Однако, разрабатывая различные модели взаимодействия с КНР при сохранении определяющей роли США американские политологи обращают внимание и на постепенное превращение КНР в своеобразный центр интеграционных процессов в АТР.

В декабре 1997 г., глава КНР Цзян Цзэминь и лидеры государств АСЕАН провели первую встречу в Малайзии, где был подписан документ «Добрососедские отношения и взаимное доверие». Кроме того, финансовый кризис в Азии 1998 г. позволил КНР продемонстрировать весомость своих намерений. В критический момент кризиса Китай не девальвировал юань, что могло окончательно подорвать устойчивость местных валют, более того, оказал материальную помощь и задекларировал готовность совместно двигаться к созданию Азиатского валютного фонда, независимого от стран Запада.

В 2002 г. КНР подписала со странами Запада ряд соглашений, которые совершенно по-новому позиционируют его в регионе. В частности, «Декларация о правилах поведения в Южно-Китайском море», «Совместная декларация о сотрудничестве в сфере безопас-

ности», «Меморандум о взаимопонимании по вопросам сельского хозяйства». Особенно показательным в этом контексте является режим функционирования зоны свободной торговли стран АСЕАН и КНР. В течение первого месяца ее работы с 1 января 2010 г. товарооборот между КНР и странами АСЕАН достиг 21,48 млрд. дол., что на 80% больше аналогичных показателей 2009 г. [11]. Однако, объем экспорта Китая в АСЕАН вырос на 52,8%, а вывоз товаров из стран АСЕАН в КНР – на 117,3% [11]. Таким образом, широко пропагандируемая зона свободной торговли со странами АСЕАН является в определенной степени экономически невыгодной для китайской стороны, но главной ее целью учитывая динамику развития, является тесное «привязывания» и зависимость экономик стран АСЕАН от КНР и емкого китайского рынка.

Известный американский специалист по Юго-Восточной Азии Дж. Курлянчик анализируя инструменты и механизмы культурно-ценностной и экономической дипломатии Китая, утверждает, что члены Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), их правительства, принимая решения на переговорах в рамках Ассоциации, практически всегда учитывают позицию КНР. И это – несмотря на то что одной из важнейших задач АСЕАН остается «смягчение» влияния в регионе крупных государств, включая Китай [12, с. 257].

В совместной монографии директора программы международной безопасности Центра стратегических и международных исследований США К. Кэмпбелла и научного сотрудника Института Брукинга (США) М. О'Хенлона подчеркивается, что интеграционные процессы в АТР с населением в 2 млрд. чел. оставляют мало надежд на сохранение в них ведущей роли США; «... во всяком случае, доминирование Соединенных Штатов в этом регионе не в интересах Китая» [13, с. 253].

Анализируя интеграционные процессы в регионе Р. Каплан связывает дальнейшие успехи КНР с решением «тайваньской проблемы». По его мнению: «Если Соединенные Штаты просто отдадут Тайвань Пекину, то Япония, Южная Корея, Филиппины, Австралия и другие американские союзники в Тихоокеанском регионе ... начнут сомневаться в прочности обязательств, которые берет на себя Вашингтон. Это может побудить некоторые страны к сближению с Срединным царством, и тогда Великий Китай, который формируется охватит почти все Восточное полушарие» [8, с. 72]. Поэтому, политолог утверждает, что заявление администрации Б. Обамы

в начале 2010 г. о намерении продать вооружения Тайваню на сумму 6,4 млрд. долларов, является принципиальной в отношении политики США не только на «китайском» направлении, но и в Евразии в целом [8, с. 72].

Оценивая возможности возникновения военного конфликта между КНР и США в результате решения «тайваньского узла» американские специалисты-международники отмечают, что это является наиболее конфликтогенной точкой американо-китайских отношений. Так, Р. Каплан отмечает: «Согласно результатам исследования, проведенного в 2009 г. RAND Corporation, к 2020 г. Соединенные Штаты не смогут, как раньше, защитить Тайвань в случае нападения Китая» [8, с. 73]. Соглашаясь с Р. Капланом Ч. Фримэн отмечает, что на сегодня это единственная возможная причина американо-китайского вооруженного конфликта. «Война из-за принадлежности острова способна перерасти в обмен ядерными ударами или затяжной конфликт глобального масштаба. Какой бы статус не получил в конце концов Тайвань, его демократии и процветанию придет конец». Именно поэтому, по мнению ученого: «Союзники США и сторонники КНР должны проявлять осторожность во всем, что может повлиять на ситуацию вокруг Тайваня» [2]. Хотя, подавляющее большинство американских экспертов рассматривает такой сценарий развития событий, как маловероятный. Сравнивая отношения между США и КНР на современном этапе и отношения между США и СССР в период биполярности профессор Колумбийского университета Р. Росс считает, что американо-китайские отношения будут оставаться более стабильными чем в свое время американо-советские. Причины этого – географические особенности Восточной Азии: «В период холодной войны только одного американского подводного флота было недостаточно для устрашения Советского Союза, – для этого нужно было содержать многочисленные сухопутные войска в Европе. Но расположение подобных сил вдоль границ Евразии не является целесообразным: как бы существенно не сокращалось присутствие сухопутных войск у границ Китая, американский флот и в будущем будет оставаться мощнее китайского» [8, с. 75]. Дж. Най также отмечает, что в перспективе КНР вряд ли бросит вызов США в Восточной Азии вследствие недостаточных военных возможностей [14, с. 10].

Характеризуя КНР как субъекта международных отношений который имеет все возможности определяющей роли в межгосудар-

ственных взаимоотношениях разного уровня, американские ученые анализируют и потенциально возможные препятствия для роста Китая.

Прогнозирование перспектив роста КНР основанное на динамике ВВП, по мнению Дж. Ная является односторонним, поскольку не «... учитываются преимущества американцев в военной и „мягкой” силе, а также неблагоприятные факторы геополитического расположения Китая в балансе сил в Азии» [14, с. 11]. Фактором который будет определять модель дальнейшего развития КНР есть политические изменения в КНР. «Если исключить возможность политического переворота, объемы и высокие темпы экономического роста, несомненно, увеличат относительную силу Китая в сравнении с США, но вовсе не обязательно будет означать, что он превзойдет США как самую влиятельную мировую державу – даже если Китай избежит существенных внутренних политических потрясений», – подчеркивает Дж. Най [14, с. 11]. Наиболее вероятным сценарием дальнейшего развития КНР, а соответственно и американо-китайских отношений является модель по которой Китай конкурирует с США в финансовой сфере, но не превосходит их по совокупной мощи «... в первой половине нынешнего века», – подчеркнул ученый [14, с. 11].

Разрабатывая пути дальнейшего развития КНР Дж. Фридман считает возможным три сценария развития. При первом, динамичный рост экономики продолжится некоторое время, но «... быстрый рост за последние 30 лет привел к существенному разбалансированию и неэффективности китайской экономики, что обязательно придется исправлять. В соответствующий момент Пекину не избежать повторного „настройки”, через которую прошли остальные азиатские страны». Второй – это возвращение к централизации. По мнению Дж. Фридмана, этот вариант является более вероятным чем первый. Но, «... тот факт, что личные интересы чиновников идут вразрез с идеей централизации, также ставит под сомнение его успешную реализацию» [9, с. 186]. Наиболее вероятным является третий путь развития: «Национализм – вот тот инструмент, который помогает избежать распада. ... С точки зрения истории это наиболее правдоподобный сценарий» [9, с. 187].

Ч. Фримэн анализируя потенциальные возможности усиления КНР выделяет четыре негативные фактора, которые могут крайне осложнить как политическое, так и экономическое развитие Китая. Во-первых, это глобальная депрессия или неудачная попытка реформирования валютного и фондового рынков КНР, во-вторых, это

нехватка энергоресурсов, в-третьих, проблемы вызванные провалом демократического процесса, в-четвертых, опасность националистического взрыва в ответ на оскорбления со стороны США или Японии. Вместе с тем, растущая динамика развития КНР, учитывая ее место и роль в системе региональных и мировых взаимоотношений, является специфическим фактором стабильности: «Дальнейшие успехи Китая пойдут на пользу всему миру. Его неудачи почувствуют все», – подчеркнул Ч. Фримен [2].

Анализ определяющих тенденций развития КНР позволил Р. Каплану сделать вывод, что преобразование политической системы КНР не вызовут существенных катаклизмов, а лишь будут способствовать тому, что «... демократический Китай может оказаться более динамичной великой державой в экономическом и, как следствие, в военном отношении, чем Китай репрессивный» [8, с. 75].

По мнению К. Кэмпбелла и М. О'Хенлона: «Китай (при сохранении нынешних темпов развития), а также исламский фундаментализм (совсем другой по природе вследствие своего интернационального, негосударственного характера) будут основными вызовами для США, реагировать на которые сложно даже для сверхдержавы. В любом случае масштабы этих вызовов существенно превзойдут те, которые стояли перед Вашингтоном в годы противостояния с СССР» [13, с. 293].

Таким образом, перспективы внешнеполитической стратегии КНР американскими политологами ставятся в зависимость от темпов и характера экономического и политического развития Китая. Роль США в АТР и на стремление Пекина утвердиться как «центр силы» глобального масштаба не может не вызывать модернизации американо-китайских отношений. А это в свою очередь, с одной стороны, будет определять формирование нового проблемного спектра во взаимоотношениях, при этом устаревшие «болевые точки» (тайваньская проблема, проблема прав человека и т.д.) будут сохранять свою значимость, а с другой – новый формат взаимоотношений обеспечит почву для дальнейшего углубления и расширение межгосударственного сотрудничества.

Литература

1. Nye J. S. jr., *The Future of American Power. Dominance and Decline in Perspective*, „Foreign Affairs” 2010, vol. 89, № 6, p. 6–12.

2. Фримэн Ч., *На чем споткнется Китай?*, „Россия в глобальной политике” 2007, № 5 [электронный ресурс], режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_9649, загл. с экрана.
3. Крупянюк М. И., Арешидзе Л. Г., *США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок»*, Международные отношения, М. 2010, с. 448.
4. Bell D., *Developing China's Soft Power* [electronic resource], access mode: http://www.nytimes.com/2010/09/24/opinion/24iht-edbell.html?_r=1, title from a screen.
5. *Китай вышел на первое место в мире по темпам роста экономики за последние пять лет* [электронный ресурс], режим доступа: <http://news2.ru/story/270829/>, загл. с экрана.
6. Brzezinski Zb., *The Group of Two that could change the world* [electronic resource], access mode: http://www.ft.com/cms/s/0/d99369b8-e178-11dd-afa0-0000779fd2ac.html?ncllick_check=1, title from a screen.
7. Киссинджер Г., *Шанс для нового миропорядка* [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation/246616.html>, загл. с экрана.
8. Kaplan R. D., *The Geography of Chinese Power. How Far Can Beijing Reach on Land and at Sea?*, „Foreign Affairs” 2010, vol. 89, № 3, p. 64–75.
9. Friedman G., *The Next 100 Years: A Forecast for the 21st Century*, DoubleDay, New York 2009, p. 272.
10. Дж. Най, *Якщо у сусідів України різне бачення політики, досить важко підібрати шлях, який зацікавить всіх* [электронний ресурс], режим доступа: <http://glavkom.ua/print/articles/3171.html>, загол. з екрану.
11. Мосяков Д. В., *«Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии* [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.journal-neo.com/?q=node/448>, загл. с экрана.
12. Kurlantzick J., *Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World*, Yale University Press, New Haven–London 2007, p. 306.
13. Campbell K. M., O'Hanlon M. E., *Hard Power: The New Politics of National Security*, Basic Books, New York 2006, p. 319.
14. Nye J. S. jr., *The Future of American Power. Dominance and Decline in Perspective*, „Foreign Affairs” 2010, vol. 89, № 6, p. 6–12.

Światowy kryzys finansowo-ekonomiczny jako determinant strategii zewnętrznej ChRL

Streszczenie

W artykule omówiono współczesny kryzys finansowo-ekonomiczny, ukazując go jako jeden z czynników determinujących politykę zagraniczną Chińskiej Republiki

Ludowej. Autor zastanawia się jak ów kryzys wpłynie na układ sił w świecie, a przywołane opinie oraz prognozy odnośnie przyszłej pozycji i roli Chin w świecie takich badaczy i znawców stosunków międzynarodowych jak m.in. R. D. Kaplan, Z. Brzezinski, G. Friedman, H. Kissinger, J. Nye Jr. etc., ukazują omawiany problem w szerszym, geopolitycznym kontekście.

Global financial and economic crisis as the determinant of the foreign strategy of the People's Republic of China

Summary

The paper discusses the current financial and economic crisis as one of the determining factors of the foreign policy of the People's Republic of China. The author contemplates what influence the crisis may exert on the global balance of power. As regards the future global position and role of China, he refers to the opinions and prognoses of researchers and experts in international relations such as R. D. Kaplan, Z. Brzezinski, G. Friedman, H. Kissinger, J. Nye Jr. and others, showing the issue in a broader, geopolitical context.

